

1
Дэсой

Когда-то мои дни рождения были
очень весёлыми.

Ударение на «когда-то».

Судя по тому, как успело подняться
солнце, время уже не самое раннее. И я
слышу, как Изабель и Дэйви тихонько
возятся и хихикают у меня под дверью,
поджидая, когда я наконец проснусь.
Они радуются моему дню рождения
больше, чем я сама. А я боялась его це-
лых 364 дня, и вот оно наступило.

Ура, ура.

Мне уже тринадцать.

— Ладно, ладно, — громко говорю
я. — Можете заходить.

И полсекунды не проходит — дверь моей комнаты распахивается, и две мелкие увесистые тушки одним прыжком взлетают на мою кровать.

— С днём рождения, Джой! — поёт Изабель. — И Дэйви тоже тебя поздравляет.

Мой младший братишка не очень-то разговорчив. Ему уже четыре с половиной, и он давно должен бы начать болтать. Мама беспокоится, конечно. А я не очень. Мне вовсе не кажется, что он какой-то отсталый или что-то в этом роде. Я думаю, что он скорее просто любит держать свои мысли при себе. Наверное, у каждого есть свои секреты.

У меня так точно.

Я по-прежнему разговариваю с тобой.

Это и есть мой секрет.

— Эй, ребята, я всё ещё сплю, — объявляю я и натягиваю одеяло на голову. Но слышу, как они учащённо посапывают от предвкушения. Слышу, как по-мышьиному попискивает Изабель, не в силах справиться с радостно-испуганным волнением. И даже — честное

слово! — слышу, как напрягается животик Дэйви в ожидании Страшной щекотки.

И в один миг я забываю, какой сегодня день. Забываю, каким невыносимо трудным был весь этот год, когда мне приходилось через силу заставлять себя делать всё что нужно. Да, боль утихла немного, но горе ничуть не стало меньше.

Не вылезая из-под одеяла, я начинаю считать. Медленно, размеренно. Чем медленнее, тем лучше. Именно от этого у них каждый раз сдают нервишки.

— Раз. Два. Три. — Тёплые тельца дрожат от напряжения, острые коленки и локти впиваются в меня — малявки надеются удержать меня под одеялом. — Четыре. Пять... Надеюсь, сегодня никто не скажет волшебного слова, — громко предостерегаю я.

Какое бы слово они ни сказали первым — оно и будет волшебным. Остаётся только ждать. Ждать и считать. Они сами не выдержат. Хоть один, но обязательно что-нибудь скажет.

— Шесть. Семь, — продолжаю нагнетать я.

Изабель зажимает себе ладошками рот. Я слышу её сдавленное хихиканье. Все мы знаем, что именно она в конце концов что-нибудь да выпалит. Изабель всегда прокалывается первой.

— Восемь. Девять.

— Неееет! — взвизгивает Изабель.

— Ага! — Я сдёргиваю с себя одеяло, и мои волосы, потрескивая от статического электричества, облепляют мне лицо. Я ничего не вижу, но это не мешает мне схватить сестрёнку и начать безжалостно щекотать её.

— Это и было волшебное слово! — страшно рычу я. — «Нет» — вот волшебное слово! А ты сказала его!

Дэйви пробует улизнуть, но не слишком-то старается, и я успеваю перехватить его на пути к спасительной двери. Теперь они оба у меня в лапах, и мы разом превращаемся в единого вопящего, визжащего, хохочущего, бьющегося и извивающегося спрута с двенадцатью щупальцами. Одеяло и всё остальное водопадом низвергается с кровати, и вслед за ним мы все оказываемся на полу —

руки, ноги, головы, простыни и подушки вперемешку.

И именно в это мгновение, за миг до того, как в комнату, широко улыбаясь, заглядывает мама — посмотреть, что это за тарарам мы устроили, — и до того, как за спиной у неё возникает моя старшая сестра Наталия со словами «С днём рождения!», на какую-то долю секунды я совершенно забываю, что сегодня за день.

Я забываю, что ровно год назад случился день, когда я разговаривала с моим лучшим другом Лукасом в самый последний раз.

Иногда, вот в такие счастливые мгновения вроде этого, я даже могу забыть, что вон там, в моём столе, в самом нижнем ящике, до сих пор лежит конверт, который ты оставил для меня на мой день рождения ровно год назад.

Конверт с первым ключом.

Лукas

— **Ж**ы же не собираешься дарить ей это, а?

Джастин торчит в дверях моей комнаты, кивая на цепочку с кулоном — красным сердечком, которую я купил для Джой. Я как раз укладываю её в коробочку, чтобы потом красиво завернуть в плотную красную бумагу. Рядом на столе лежит и ждёт белый конверт, а в нём — шесть ключей-подсказок. Посложнее, чем год назад. И чем во все прошлые годы. Потом здесь останется только первый ключ. Я запечатаю конверт и оставлю у дверей её дома. А остальные пять спрячу в подходящих местах по всему городу.

А насчёт цепочки с кулоном... Я ещё не решил, где её оставлю. Наверное, где-нибудь в том месте, куда её приведёт последний ключ.

— Уже уходишь? — Джастин вваливается в комнату, встаёт у меня за спиной. Пыхтит. Почему он всегда дышит ртом?

— Посмотрим, — отвечаю я не оборачиваясь. — А что?

— Да ничего. Просто так спрашиваю. Нет, не просто так.

— А раз ничего, так и отстань от меня, — бросаю я.

Мне хочется, чтобы он поскорее ушёл, потому что здесь же, на столе, лежит ещё записка для неё. И если Джастин её прочитает, он будет доставать меня всю оставшуюся жизнь. Но если он считает, что просто обязан выпендриваться и вести себя как последний придурок только потому, что уже почти окончил среднюю школу, — я-то не обязан.

И вполне могу сказать Джой, что я чувствую, правильно?

Джастин поднимает свою неуклюжую руку и щёлкает пальцем по коробочке с кулоном. Он и так прекрасно знает, что

это подарок для Джой — не потому, что его сильно интересую я или мои дела, а потому, что все, кто нас знает, точно так же знают, что её день рождения всего на два дня раньше моего. И что мы всегда отмечаем наши дни рождения вместе.

И каждый раз играем в эту игру — «охоту за сокровищами».

Поначалу она была совсем простенькой, конечно. Всего несколько несложных ключей-подсказок, расставленных неподалёку друг от друга, с которыми можно добыть лишь кое-какие детские подарочки-самоделки: браслетик из скрепок, камешек, раскрашенный под белого медведя, или вырезанный из картонки брелок. В общем, ничего особенного.

Но это было ещё в младших классах, до того, как я получил эту работу — выгуливать собак, и до того, как Джой исполнилось одиннадцать и она получила право пройти курсы первой помощи, а потом время от времени сидеть с близнецами Роджерсов за семь долларов в час (но только по выходным и во второй половине дня). Поэтому теперь,

на наш двенадцатый день рождения, мы договорились сделать друг другу настоящие подарки.

— Просто хочу спасти тебя от унижения, братишка, — говорит Джастин. Он наклоняется, вытаскивает сердечко из коробки и вертит его на цепочке. А я радуюсь про себя, что не попросил продавщицу выгравировать на нём надпись.

Он подбрасывает сердечко и ловит его ладонью.

Я не особенно волнуюсь, что он разобьёт его или как-то испортит. Может, он иногда и достаёт меня, но всё-таки желает мне добра. Заботится и всё такое. Это вроде как его обязанность, раз нет папы. Хотя, конечно, изводить он умеет, и я старательно слежу за тем, чтобы даже не скосить глаза в ту сторону, где лежит записка. Если он доберётся до неё — мне крышка.

Он кладёт цепочку на стол рядом со мной.

— Миленько, — говорит он. — Но тут уж ты мне поверь: стоит объявить о своей великой любви — и дружбе конец. Сразу всё испортишь.

— Дурак. Я не собираюсь объявлять о своей любви, — говорю я. Но мои уши и щёки тут же начинают гореть. А если и собираюсь? Если собираюсь, то он, возможно, действительно пытается сделать как лучше. — Просто ей нравятся сердечки, — говорю я, пытаюсь убедить и его и себя, что на самом деле это сердечко ничего не означает. — Я увидел его в торговом центре, ну и купил для неё. Подумаешь.

— Ну да, ну да, — кивает Джастин. — Ладно, забудь. Просто захотелось подразнить тебя, братишка. Всё в порядке. Решай сам. — Он сжимает ладонью моё плечо. — Вы же с ней неразлейвода, так что тебе виднее. Просто не напортачь, вот и всё. — Я киваю: может, он и правда хочет защитить меня от неприятностей. — Ладно, а я сегодня к Ченсу. Хотим взять «Морского чёрта» и двинуть на мыс. Мама сегодня придёт поздно, и я к ужину не вернусь. Посмотри в морозилке и разогрей себе что-нибудь. У неё сегодня двойная смена в «Дельфине».

Я снова киваю.

«Дельфин», где работает мама, — это закусочная с баром, и в выходные она открыта до полуночи. А «Морской чёрт» — резиновая лодка с подвесным мотором. Рэнд иногда ходил на ней на рыбалку. А когда мама в прошлом ноябре выгнала его насовсем, лодка осталась у нас. Честно говоря, это, пожалуй, единственное хорошее, что осталось от его житья с нами. От всего остального радости было мало.

Только не подумайте, будто «Морского чёрта» нам подарили: просто Рэнд не сумел упихать его на свой «Харлей», когда уехал, а джипа у него больше не было, потому что он раздолбал его, сев за руль пьяным. Он, конечно, говорил, что не пил в тот день, но коп сказал, что пил. К счастью, тогда никто не пострадал, даже он сам — только джип и здоровенный мусорный контейнер на обочине 35-го шоссе. Ну и фонарный столб рядом с ним. Короче, это стало последней каплей, и после этого мама его выставила. Ну и что теперь о нём вспоминать?